

— Там, где руководствоваться
этическими принципами и даже
принципами веры невозможно —
следует руководствоваться
принципами эстетики. — Так начинал
Сэм Великолепный свою проповедь
перед шафранными монахами.

Р. Желязны. Князь Света.

Семён Ермаков,

кандидат философских наук,
доцент института психологии,
педагогике и социологии
Сибирского федерального
университета,
Руководитель программы
«Школа практической
философии»,
с 1989 года участник
проектно-исследовательской
группы «Нооген»

Советская школа как предмет эстетики

Советское как форма, пережившая фактуру жизни определённой страны и определённой эпохи, содержит в своём определении три основных вектора; конфликт между ними, возможно¹, составивший эпос и трагедию² советской эпохи,

¹ Автор не берётся судить всю советскую действительность, но лишь предлагает обдумать параллели и соответствия.

² И эпос, и трагедия здесь — категории эстетические. Эпос, в упрощённом определении — это история героя, решившегося встать наравне с силами, несопоставимыми по масштабу с отдельным человеком (Ахилл, Одиссей, Илья Муромец). Эпическая история, завершаясь гибелью героя или его победой, утверждает саму возможность такого противостояния и его значимость в судьбах Мира (будь то Ойкумена эллинов или Святая Русь). Трагедия — завершение истории такого героя (Прометей, Эдип, Гамлет), заведомо индивидуальной катастрофой. Здесь важно само изменение, которое проделывает с собой герой, выходя за масштабы частного человеческого существования.

легко выделяется в судьбе такого начинания, как *советская школа*.

Вектор первый: *утопия советского человека*, реализованная в институтах воспитания советского человека, как и в других институтах, оформляющих «истинно советское» бытие и сознание.

Вектор второй: критика действительности с точки зрения *образа должного*, заявленного утопией.

Вектор третий: *массовая практика*, связанная с необходимостью воспроизводить ткань повседневного существования в условиях её постоянного несовпадения с образом должного и постоянной возможностью социальных последствий критики.

Остановимся на каждом подробнее.

Утопия советского человека никогда не была до конца сформулирована в качестве требования, определяющего результаты процесса образования и воспитания в советской школе, так же, как и в качестве требования к поведению советского человека в повседневности. Как положено настоящей утопии, она существовала вне места и времени, отсылая к реалиям прошлого, будущего или воображаемого настоящего.

Именно советская утопия, по-видимому, наиболее преуспела в отношении воображаемого настоящего. Существовали утопии исторические (образы героев революции, гражданской войны, славного прошлого борьбы русского народа, когда за свободу, против князей и царей, а когда и за независимость, вместе с князьями и царями); утопии современные (правильные колхозы, правильные фабрики, правильная творческая самостоятельность, даже правильные молодёжь); утопии будущие (установление социалистического строя на Марсе, борьба с мелкобуржуазными настроениями в галактических масштабах).

Существовали и места *материального воплощения* таких утопий. Прототипом подобного места мыслилась, возможно, едва ли не каждая школа, и уж точно — каждая пионерская организация³.

³ По опыту автора в качестве юного пионера Советского Союза, эта практика пережила и саму утопию.

Исторические деяния могут быть и не этическими, и не логичными. Историческими они становятся, если они удовлетворяют определённому, понятному нам, хотя бы и ненавистному, канону эстетики: геноцид Тамерлана менее историчен, чем абажур из кожи.

Э. Фрейм. Новейшая история восточноевропейской диаспоры.

Апофеозом — *избранные места*, воплощение рая на земле, подобные *Артеку* при Сталине и *Орлёнку* в более поздние времена. Испытать опыт жизни в таких утопиях полагалось целью любого советского школьника; отправить своего воспитанника в утопическое пространство — предметом гордости советского учителя⁴.

Но в отношении *содержания воображаемого* советская утопия так и осталась несостоятельной.

Само по себе должествование *советского человека* металось между провозглашённой Лениным⁵ задачей *овладеть всеми богатствами мировой культуры*, задачей отвергнуть прошлое как устаревшее (мещанское и низменное, в лучшем случае; полное заговоров буржуазных учёных и философов, стремящихся сбить

⁴ Именно — полагалось. Возможно, в 1941 году Тимур и бился с Квакиным за советские идеалы, но в 1985 году их потомки, собирая металлолом и макулатуру, «окучивая» старушек, «бились» за рекомендации в комсомол, за дополнительные поощрения в характеристиках, за влияние в сообществах сверстников...

⁵ В знаменитой речи «Задачи союзов молодёжи» на III съезде комсомола. В этой же речи было сказано: «Учиться, учиться и учиться!»

Советская школа как предмет эстетики

всех с толку) и юношеским романтическим чувством новизны⁶.

Это долженствование рождало, с одной стороны, героизацию, например, академика Отто Шмидта, создателя программы освоения Советской Арктики и поголовное желание школьников идти в полярные лётчики и зимовщики; с другой — феномен академика Лысенко, создателя Советской Биологии, и тысячи студентов, готовых разоблачать «низкопоклонство перед Западом» своих профессоров. Портреты Шмидта и Лысенко могли соседствовать в одном школьном классе. Так же как — позже — портреты Мичурина и Вавилова.

Первое привело к появлению качественно выстроенных программ по математике, физике, химии⁷. Второе — к странным программам по биологии⁸ и географии и полному отсутствию статистики⁹ в математических и естественнонаучных дисциплинах. Причудливый синтез этих двух долженствований привёл к распространению клише в изучении истории и литературы и к романтически восторженному отношению к ним¹⁰.

Это же рассогласование повлияло на судьбу педагогической науки.

Вся наиболее интересная педагогическая литература, как канонизированная (Макаренко, Сухомлинский), так и признанная апокрифической (Блонский, Сорока-Росинский) была посвящена *процессу формирования* советского

⁶ Которое культивировали на стройках первых пятилеток, в КБ и НИИ и стройотрядах второй волны индустриализации, той самой, когда «мы сделали ракету и перекрыли Енисей».

⁷ Они могли бы до сих пор рассматриваться как образцы, если бы не устарели содержательно.

⁸ Эта странность откликается и до сих пор в спорах вокруг того, «преподавать ли в школе теорию Дарвина». С точки зрения многих современных биологов-эволюционистов, в школе теорию Дарвина так и не начали преподавать, а преподают сказки про Дарвина, сочинённые во времена первых русских народовольцев.

⁹ Лысенко и его окружение чрезвычайно боялись математической статистики, поскольку именно на ней строились обоснования выводов генетиков. Интересно, чего бояться до сих пор?

¹⁰ В одном романе, описывавшем повседневность студентов-филологов МГУ периода «ранней оттепели», фигурирует комсомольская активистка, каждое своё выступление начинавшая фразой «Когда Лев Толстой был зеркалом русской революции, в образе Наташи Ростовской он предвосхитил чаяние простой советской девушки-комсомолки». Дальнейшие её чаяния зависели от «злости дня».

человека; сформированный человек никогда не был описан. Считалось, что когда-нибудь он завершит своё формирование и опишет себя сам.

Единственная попытка научной педагогики была уничтожена как буржуазная (поскольку она ссылалась на современные ей, в том числе западноевропейские и американские, источники)¹¹. Научной педагогикой была объявлена странная смесь педагогического ремесла и социальной алхимии, ссылавшаяся на идеологические тексты и на экспериментальные данные психологии ста-двухсотлетней давности.

Большинство наиболее интересных *воспитательных* (в том числе чисто агитационных) текстов для советских школьников заканчивались на гибели героя в точке финального подвига, *приближающего нашу полную и окончательную победу*, либо на его поступке, который *предвещал* такой его подвиг. Некоторое исключение составляли агитационные герои пятилеток (в особенности, послевоенных); герои, прошедшие войну *до конца*; космонавты, геологи, полярники. Точку *смерти* обозначал памятник.

Таким образом, советский школьник в *советской утопии* готовился славно совершить подвиг и славно умереть за будущего советского человека. Всё остальное, включая физику, биологию и литературу, было факультативно и инструментально.

* * *

В действительности люди, как правило, не хотят готовиться к тому, чтобы славно погибнуть. В действительности люди готовятся к тому, чтобы жить, быть успешными (по меркам того социума, в котором они живут, или хотя бы по меркам того страта, в котором они родились и воспитаны). А уж тем более учителя не производят впечатление тех, кто собирается славно погибнуть, они ходят на свою учительскую работу, получают свою учительскую зарплату, выполняют свои учительские обязанности.

Если в других сферах жизни, в массовых профессиях военного, полицейского,

Основную критику действительности доставляет сама действительность. Философу остаётся лишь немного домыслить, чтобы объявить более действительного критика более разумным.

Б. Бауэр.
Памяти профессора Гегеля.

¹¹ Одному из основателей этой школы, «Моцарту психологии», по всемирному признанию, Л. С. Выготскому «повезло»: он умер в 1934 году от туберкулёза, поэтому его не посадили в 1936 году.

Советская школа как предмет эстетики

спасателя или в профессиях экстремальных, но вполне понятных, профессиях лётчика, моряка, полярника риск может быть элементом повседневности, то в большинстве других сфер основной ценностью является отсутствие риска.

И в этой точке школа как общественный институт, созданный задолго до социалистической революции, вступает в конфликт с основным требованием к советской школе, с требованием работать на утопию советского человека.

Школа как институт трансляции культуры предназначена к тому, чтобы *обустроить* образ мира, в который входит взрослеющий человек. Но обустроенный мир не может состоять из непрерывных подвигов — в обустроенном мире нужно выполнять повседневные, часто даже ритуальные действия: быть к первому уроку, не опаздывая; приносить с собой сменную обувь; ежедневно выполнять домашние задания...

Школа как социальный институт *вообще* должна быть *управляемой*, а значит — предсказуемой. А предсказуемость тем более несовместима с подвигом. Если ученик ещё может быть непредсказуем (это его право как *ещё не вполне взрослого*, он может что-то забыть, он может быть *своевольным*, он может руководствоваться своим частным интересом вместо интереса *общественного*¹²), то учитель на это права не имеет. Учитель, выступая в качестве *представителя взрослого мира* по отношению к школьникам, должен действовать строго в определённых рамках¹³.

И в то же время учитель должен говорить о *подвиге*, об *экстремальном действии*, о ценности экстремального действия, будь то бросок на амбразуру или двадцать лет, потраченных на доказательство математической теоремы — иначе

¹² Одна из самых интересных мифологем советской школы. Будущему лауреату международной премии по математике, если он шёл на математический кружок, или будущему гроссмейстеру, если он шёл на шахматный кружок, мотивируя этим отказ от участия в сборе макулатуры, могли сказать (и за этим высказыванием могла следовать общественная санкция): Ты ставишь свой личный интерес выше общественного интереса.

¹³ Когда-то Г. П. Щедровицкий, комментируя это, добавлял: И не дай Бог учителю быть замеченным на улице с чужой женой!

процесс формирования будущего советского человека не состоится.

Утопия советской школы в её содержании могла реализоваться в экстремальных поступках таких людей, как Макаренко; утопия советской школы могла бы иметь прототипом «уличную школу» Сократа, в которой единственным образовательным результатом считался акт личного понимания ученика. Но такая школа не может быть массовой, либо, будучи массовой, ставит под вопрос саму идею школы как управляемой системы, поскольку любое действие любого управляющего субъекта может быть поставлено под вопрос как несоответствующее утопии.

Критика такой действительности была осуществлена с разных сторон.

С одной стороны, учителями, которые *не желали* быть понятными и предсказуемыми, которые готовы были выпить *свою цыкуну*¹⁴. Готовыми действовать

¹⁴ Про это — наиболее интересные «школьные» фильмы переходного советского периода, от «Доживём до понедельника» до «Добро пожаловать, или Посторонним вход воспрещён».

на основе *общечеловеческих* представлений о должном, подкреплённых новейшими достижениями современной науки (то самое «учиться, учиться и учиться»). Знаковыми фигурами этой группы были даже не профессиональные учителя, а психологи и философы Э. В. Ильенков, Д. Б. Эльконин, В. В. Давыдов, озабочившиеся вопросами *эффективного образования*.

Это был наиболее радикальный шаг к чаше с цыкутой¹⁵. И одновременно — наиболее радикальный шаг к прорыву. На основе новейших достижений психологии обучения¹⁶, при помощи светил математики¹⁷ и лингвистики, был придуман способ организации обучения, позволяющий *почти всем* (как предполагалось)

¹⁵ Каждый из упомянутых, так же как и многие, кого нужно упоминать не в популярной статье, а в монографиях с обильными списками литературы и цитатами, увы, свою чашу испил. Некоторые — практически буквально, с поправкой на отличие древнегреческого антуража от советского.

¹⁶ Развивая и подтверждая экспериментальными данными тезис Выготского о том, что «особым образом организованное обучение может развивать психические функции и способности».

¹⁷ В частности, огромное участие в проекте приняли академик А. Н. Колмогоров и его ученики.

Советская школа как предмет эстетики

советским школьникам быть отличниками по стандартным школьным меркам и учиться с *интересом*, а не потому, что требует учитель.

Но что-то было в идее советской школы такое, что не давало ей быть реализованной. Советская идеологическая критика с огромным подозрением встретила прогрессорские утопии Ефремова и братьев Стругацких, которые *хотя бы попытались* собрать образ счастливого и успешного человека некоторого возможного будущего. С тем же подозрением официальная педагогическая наука и массовое учительство отнеслись к *системе развивающего обучения Эльконина-Давыдова* и опыту обучения слепоглухих детей, обоснованному и осмысленному Ильенковым.

Вторая критика основывалась на том, что школьники воспринимали всё слишком буквально. Читая книги, смотря фильмы, выслушивая рассказы и выступая с докладами на уроках и классных часах, они могли сказать: *вы же сами говорили!*

И поэтому — этика установления справедливости немедленно, здесь и сейчас: *Тимур против Квакина*.

Этика отсутствия лицемерия, немедленного высказывания «всей правды» в глаза, в том числе учителю.

Этика коллективизма как спонтанной самоорганизации, являющая себя в том числе и в коллективном бойкоте учителя...

Этика индивидуальности, в том числе уход на математический кружок, уход на танцы, уход в личные отношения...

* * *

С возникшим конфликтом советская школа справилась очень интересным способом. Он состоял в том, чтобы чётко различить формальные требования к поведению и к тому, что говорится.

Можно сопоставить это решение, вышедшее, выстраданное внутри системы образования с решением, случившимся почти синхронно на уровне массовой практики. *Мы живём в самой свободной стране, мы имеем право на своё мнение, поэтому мы категорически не согласны с отщепенцами, утверждающими своё несогласие с действиями советского руководства*¹⁸.

Аналогично: *Мария Ивановна, наш класс единогласно голосует за предложенный Вами начин собрать на десять килограммов макулатуры больше плана.*

Но это — только внешняя сторона. Эта внешняя сторона описана шестьдесят лет назад Дж. Оруэллом и названа им «двоемыслием». Любой советский школьник, даже двоечник, мог легко сыграть по этим правилам. Тех, кто не желал этого или не понимал, в чём состоит игра, называли шизофреником, вполне в соответствии с презируемым советскими философами автором теории логических типов Б. Расселом и его *тщательно игнорируемыми* последователями — психологами и психиатрами из США.

Большинство советских школьников, как и большинство учителей, шизофрениками не были. Они легко различали логические типы, легко понимали, где от них требуется ритуальное высказывание, а где — высказывание по содержанию; самые умные хорошо понимали, где высказывание, формально противоречащее ритуалу, является элементом ритуала¹⁹.

¹⁸ Лейтмотив «диссидентских процессов» 1966-1972 (как минимум).

¹⁹ В некоторое время в комсомоле вошли в моду «политбой»; в этих «политбоях», представляющих собой, по нынешним понятиям, некоторую формальную дискуссионную процедуру, кто должен был занимать сторону, не согласную с официальной идеологией на тот момент. Не аргументировать свою позицию было нельзя, поскольку «бой» бы не состоялся. Но излишняя честная аргументация позиции означала подозрение в диссидентстве. В этом и состояло искусство, чтобы в 1984 году высказаться за экономические преимущества капитализма перед социализмом красиво и аргументировано, но так, чтобы в итоге все аргументы были опровергнуты.

Шизофреник логичен; он не отвлекается ни на метафоры, ни на аналогии, ни на сопоставления. Он требует буквального понимания даже там, где буквального понимания заведомо быть не может.

Г. Бейтсон.
Шизофрения и теория
логических типов

Это можно назвать *чистой эстетикой*, заведомо отделившейся от какого-либо содержания и каких-либо оснований.

Более интересные процессы происходили внутри. Они были связаны с развитием *самостоятельности, преодолением иждивенчества и инфантилизма, ответственностью за свои поступки* — с ценностями, вроде бы, лежащими во всё ту же утопию советского человека, но, в силу её осколочного существования, понятиями странно.

Начиналось с малого. *Маши, не давай Пете запасную ручку. Пусть Петя свою дома не забывает. Миша, не давай Лене списывать. Пусть решает сама.* И кому какое дело до личных побуждений, от простого альтруистического порыва первоклассницы Маши, которую с ранних лет учили, что надо делиться, до желания десятиклассника Миши понравиться Лене хотя бы и таким способом.

Любой подвиг советского человека в прошлом и настоящем, любой возможный подвиг в будущем мог выступить основанием для сравнения и оценки, в которой оцениваемый заведомо выглядел не лучшим образом. *Гайдар в семнадцать лет полком командовал, а ты даже пол толком помыть не можешь. Павлик Морозов отца-кулака разоблачил, а ты не говоришь, у кого списал.*

Подтверждалось поведением учителей, иногда прямо говоривших, что за невыполнение некоторого формального

Советская школа как предмет эстетики

А помнишь,
мы вместе
грызли, как мыши
непрозрачное время?
Сим — победиши!

В. Хлебников.
Алёше Крученых

требования снижают оценку, а иногда намекавших, что некоторых вещей можно и не знать. Подтверждалось осуждением красивых девочек за то, что они красивые, и мальчиков за то, что у них растут усы. Подтверждалось процедурами *открытых уроков*, перед которыми учитель устраивал репетицию ответов, и *диктовкой* того, что нужно отвечать на экзаменах по билетам.

Подтверждалось оценками сочинений «на свободную тему», от «*ты не имеешь права так писать*»²⁰ до «*а почему ты думаешь, что все эту повесть читали*»²¹?

И всё это время, от первого и до выпускного класса, нужно было приходить за пятнадцать минут до начала первого урока, снимать шапку между входной дверью и дверью в вестибюль, демонстрировать пакет со сменной обувью...

Очень сложно выделить в виде одного тезиса всё, что именно так начиналось, подтверждалось и продолжалось.

И всё же и в такой школе было возможно *учиться*. Хотя бы потому, что ценность позитивного знания никто не отрицал. Те, кто действительно хотел учиться и знал, чему хочет учиться, делали это, несмотря на странные требования учителей и странные ритуалы школьной жизни. Некоторые делали карьеру.

Большинство же просто жили, принимая заданные правила жизни и искренне удивляясь, почему хорошие и неглупые люди вдруг решают усомниться в этих правилах.

* * *

Именно такая Советская школа победила советский строй. Поскольку её отличники (не по шкале успеваемости, а по шкале успеха) взяли на вооружение наиболее понятный им вывод из западного либерализма: *Бери, сколько можешь, и никому не давай отбирать у тебя*. Именно такая Советская школа побеждает сейчас российскую экономику,

²⁰ Кульминация конфликта в фильме «Дожиwём до понедельника».

²¹ Личный опыт автора. Повесть была напечатана во всесоюзном журнале «Пионер», рекомендованном как для собственно пионеров, так и для классных руководителей. Речь шла о повести В. Крапивина «Колыбельная для брата», впоследствии экранизированной.

поскольку её отличники практикуют правило: *неважно, что ты делаешь, важно, что о тебе думают.*

Именно такая Советская школа создала людей, не интересующихся социальной ситуацией вовсе. Отличники продолжают двигать науку, и большинству из них уже не важно, в университетах какой страны это происходит; троечники продолжают работать, иногда выходя в начальники, растить своих детей, радоваться мелким удачам...

Иногда — в страшных снах — автору кажется, что такая школа *предвещает* всемирное будущее. Именно такая, где подвиг — это повод поговорить, где *ценность* поступка определяется начальником или коллективом (и где часто приходится

тридцати в школу и к девяти быть в офисе, а потом, вернувшись из офиса, мельком это же чадо спросить, поел ли он, и какие у него оценки, выразить эмоции по этому поводу, а потом совместно уткнуться в телевизор... Нет, теперь — разрешить чаду уткнуться в телевизор, самому зависнув в сети «одноклассники», или уткнуться в телевизор и болеть за проигрывающую российскую сборную, разрешив чаду *гамиться* (играть на компьютере); *разве что спросить: а почему ты не играешь за Россию?* (Теперь это называется патристическим воспитанием.)

То есть именно в советской школе, а точнее, в той её версии, которая была осуществлена в последние тридцать лет советского периода, практика

выбирать между оценкой начальника и оценкой коллектива), где знание определяется мерой выполнения формальных требований...

Страшные сны связаны с наступлением культуры «больших корпораций»²², в которой главной добродетелью является понимание правил игры, а главной оценкой является оценка за поведение...

Содержание образования, как и содержание деятельности, здесь уже ни при чём. Главное — отвести своё чадо к восьми-

статусных отношений реализовалась в своей максимальной и полной форме. И продолжает реализовываться как некоторое возможное будущее и вызов.

Вызов места и времени, где можно не действовать и не думать, а только восхищаться эстетическими формами.

Пока ещё есть чем восхищаться.

²² Культура «больших корпораций» наступает гораздо быстрее, чем сами «большие корпорации» (которые, возможно, и не думают наступать). Выглядит это так: исполнительный директор мелкой посреднической фирмы или начальник подразделения бюджетной организации ведут себя так, как (по их представлению) должны вести себя директора «Кока-Колы» или «Форд Моторз».